



Лит Г Гундризера.

ВИДЪ ОЗ. КЕНГА УСТЬЯ Р.ТУРЬ.

ПУТЕШЕСТВІЕ
ПО
ДОЛИНѢ РѢКИ УСУРИ.

СОВЕРШИЛЪ,
ПО
ПОРУЧЕНІЮ СИБИРСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,
Р. МАНЬ.

ТОМЪ I

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФИИ В. БЕЗОВА И КОМП.
—
1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ. 1 декабря 1861 года.

Цензоръ *Обергъ.*

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

БАРОНУ МОДЕСТУ АНДРЕЕВИЧУ

КОРФУ

СЪ ГЛУБОЧАЙШИМЪ УВАЖЕНІЕМЪ

посвящаетъ

Р. Маакъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изъ всѣхъ странъ, которыя айгунскій трактатъ открылъ для европейскихъ путешественниковъ, усурійскій край заслуживаетъ особеннаго вниманія. Не говоря уже о тѣхъ результатахъ, которые изслѣдованіе этого края обѣщаетъ чистой наукѣ, онъ въ высшей степени интересенъ и по отношенію къ промышленной и торговой жизни всей Восточной Сибири. Страны, лежащія по Усури, составляютъ самую южную часть всѣхъ русскихъ владѣній въ восточной Азіи; онѣ наиболѣе вдаются въ земли, подвластныя Китаю, и потому представляютъ населенію Восточной Сибири ближайшій путь для торговли съ самыми богатыми провинціями Китайской Имперіи, — средними и южными. И этотъ путь, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказывается весьма удобнымъ, потому что Усури судоходна по всему теченію, начиная отъ устья, за впаденіе Сунгачи, также какъ и самая Сунгачи и озеро Кенгка. Сверхъ того, судоходство по этимъ воднымъ путямъ должно въ скоромъ времени получить особенную важность и для морской торговли Восточной Сибири. Такъ можно думать по тому, что страна, тянущаяся на югъ отъ озера Кенгка, весьма удобна для проложенія торговой дороги къ Тихому Океану, и именно къ тѣмъ бухтамъ, которыя весьма не долго бывають покрыты льдомъ и представляютъ удобнѣйшія въ мірѣ мѣста для устройства торговыхъ гаваней. Когда эта дорога будетъ проведена, то, безъ сомнѣнія, сдѣлается однимъ изъ главныхъ путей восточно-сибирской торговли, и тогда, конечно, самымъ удобнымъ средствомъ сообщенія съ этимъ путемъ будетъ для Восточной Сибири судоходство по Усури, Сунгачи и озеру Кенгка. Съ другой стороны, и сама по себѣ, какъ мѣсто поселенія русскихъ колонистовъ и край, съ которымъ жители болѣе сѣверныхъ частей Сибири легко и удобно могутъ вести дѣятельную торговлю, — и сама по себѣ усурійская страна представляетъ особенно выгодныя условія. Большая часть ея чрезвычайно благопріятна для развитія земледѣлія, скотоводства и садоводства въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ и, судя по тому, что въ ней растетъ дикая лоза (*Vitis vinifera* var.

VI.

amurensis), общаетъ даже производить виноградъ, годный для выдѣлыванія вина. Далѣе, усурійская страна богата пушными звѣрями, всякаго рода дичью, рыбою, лѣсомъ и производитъ въ значительномъ количествѣ жень-шенъ, который, если и не найдетъ употребленія въ европейской медицинѣ, то, во всякомъ случаѣ, можетъ быть предметомъ выгоднаго и обширнаго торга съ китайцами. Наконецъ, весь усурійскій край прорѣзанъ большимъ числомъ рѣкъ и рѣчекъ, которыя хотя и не всѣ судоходны, но все таки могутъ быть весьма полезны для жителей, какъ пути сообщеній и какъ источники движущей силы.

Задача — положить начало спеціальному изученію этого края выпала на мою долю; до меня онъ хотя и былъ посѣщаемъ путешественниками, но только проѣздомъ, на весьма короткое время. Такимъ образомъ, мое путешествіе было первое, предпринятое для изслѣдованія усурійской страны. Въ какой степени оно должно удовлетворить ожиданіямъ нашей публики, — судить, конечно, не мнѣ, но, во всякомъ случаѣ, я считаю себя въ правѣ познакомить ее съ тѣми условіями, отъ которыхъ зависѣлъ успѣхъ его, и изложить мой собственный взглядъ на значеніе настоящей книги.

Уже и то обстоятельство, что мнѣ первому пришлось спеціально изслѣдовать усурійскую страну, должно было значительно затруднять мои дѣйствія. Но, сверхъ того, на мое путешествіе имѣли вліяніе и многія другія неблагоприятныя причины. Во главѣ ихъ надо, конечно, поставить то, что я долженъ былъ проѣхать взадъ и впередъ пространство около 1000 верстъ не болѣе, какъ въ три съ половиною мѣсяца. За тѣмъ, мнѣ много мѣшало разнообразіе трудовъ, между которыми я долженъ былъ дѣлить свое время. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ занятій, относящихся собственно къ изслѣдованію края, на мнѣ лежало еще управленіе всѣмъ хозяйствомъ экспедиціи и, между прочимъ, я долженъ былъ заботиться о перевозкѣ нашихъ коллекцій; послѣднее было особенно затруднительно, потому что мы должны были возить съ собою всѣ добытые предметы, такъ какъ въ усурійскомъ краѣ нельзя было найти ни мѣста для ихъ храненія, ни средствъ для отправки ихъ въ Иркутскъ. Конечно, тяжесть всѣхъ этихъ занятій значительно облегчалась участіемъ, которое принималъ въ нихъ мой товарищъ по путешествію, г. Брылкинъ. Онъ съ полною готовностью раздѣлялъ со мною всѣ работы, въ которыхъ только могъ принимать участіе, и я навсегда сохранию къ нему чувство живѣйшей благодарности за его содѣйствіе въ моихъ трудахъ. Но г. Брылкинъ имѣлъ свой кругъ обязанностей, которыя не позволяли ему употреблять много времени на другія занятія: именно, ему поручено было вести этнографическія работы экспедиціи, и имъ онъ долженъ былъ посвящать большую часть своего времени. Собственно же на меня возложены были всѣ остальные ученныя занятія: метеорологическія, орографическія и гидрографическія наблюденія; собираніе растений, животныхъ и геогностическихъ образчиковъ; наконецъ, изученіе условій органической жизни въ усурійской странѣ. Эти работы, какъ пойметъ всякій знакомый съ дѣломъ, уже и сами по себѣ таковы, что требуютъ много времени и труда. Но, сверхъ того,

онѣ еще много затруднялись мѣстными условіями усурійскаго края. Населеніе въ немъ вообще чрезвычайно рѣдко, такъ что путешественнику не всегда легко найти здѣсь людей, отъ которыхъ бы онъ могъ получить нужныя свѣдѣнія, и это обстоятельство тѣмъ болѣе еще было для насъ неудобно, что мѣстные жители, ходзены и китайцы, большею частью крайне невѣжественны во всемъ, что не касается прямо удовлетворенія ихъ матеріальныхъ нуждъ. Съ другой стороны, много мѣшало нашимъ работамъ неудобство сообщеній въ усурійской странѣ: при полномъ въ ней недостаткѣ дорогъ и при рѣдкости даже тропинокъ, намъ приходилось терять много времени на то, чтобы пробираться въ мѣста, которыя мы хотѣли изслѣдовать, чрезъ болота, лужи, густую траву и тому подобныя естественныя преграды, весьма часто здѣсь встрѣчающіяся; часто даже мы отказывались изъ за этого отъ посѣщенія весьма интересныхъ мѣстностей. Не менѣе, если еще не болѣе, затрудняло наши дѣйствія и самое плаваніе по Усури во все то время, пока мы по ней подымались, слѣдовательно, въ теченіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ. Мы ѣхали мѣстами на веслахъ, а мѣстами бичевой, которую тянули наши люди, и такъ какъ теченіе въ Усури довольно быстро, то движеніе противъ воды было очень медленно и отнимало у насъ много времени; случалось даже, особенно осенью, когда вода въ рѣкѣ часто бываетъ на прибыли, что я и г. Брылкинъ сами принуждены бывали приниматься за работу, для того, чтобы ускорить движеніе нашей лодки.

Всѣ приведенныя обстоятельства показываютъ, что результаты моего путешествія должны быть далеки отъ полноты и что въ описаніи его найдется много пробѣловъ, и важныхъ, и незначительныхъ. Я самъ смотрю на эту книгу, какъ на трудъ главнымъ образомъ приговорительный, который долженъ облегчить для будущихъ путешественниковъ дѣло изученія усурійскаго края. Требовать, чтобы она вполнѣ и подробно знакомила читателей со страной, было бы, мнѣ кажется, несправедливо; этого не всегда можно ждать и отъ путешествій, совершенныхъ при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Впрочемъ, я не могъ сообщить въ этой книгѣ и всѣхъ результатовъ, которые доставила усурійская экспедиція, потому что принужденъ былъ выпустить сочиненіе въ свѣтъ безъ нѣкоторыхъ изъ статей, которыя первоначально предназначались для перваго тома. Именно, въ этотъ томъ не вошли: во-первыхъ, большая часть этнографическихъ изслѣдованій г. Брылкина, который, получивъ, по возвращеніи съ Усури, другое назначеніе, не успѣлъ ихъ обработать; во-вторыхъ, описаніе собранныхъ мною насѣкомыхъ, которые были переданы въ Императорскую Академію Наукъ, но, по независимымъ отъ меня обстоятельствамъ, не были разработаны ко времени выхода въ свѣтъ моей книги.

Такимъ образомъ, изъ статей, составленныхъ не мною, я могъ помѣстить въ первомъ томѣ только, «замѣчанія о свойствахъ языка ходзеновъ» и «ходзенскій словарь», написанные г. Брылкинымъ.

Карта, приложенная къ этому тому, составлена отчасти по матеріаламъ, которыми я обязанъ г. Подполковнику Будогоскому. Онъ сообщилъ мнѣ маршруты, составленные, въ 1859 году, членами экспедиціи, посланной подъ его начальствомъ въ усурійскій край для обозрѣнія страны, лежащей между р. Усури и моремъ, и для разграниченія ея съ остальною Манджуріею. Эти маршруты принесли много пользы при составленіи карты и я считаю долгомъ выразить за нихъ г. Будогоскому мою искреннѣйшую признательность.

Р. Маакъ.

Сентябрь 1861 года.

Въ январѣ 1859 года, находясь въ Петербургѣ, я уже приводилъ къ концу изданіе моего путешествія по Амуру, когда вдругъ получилъ отъ Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества лестное для меня предложеніе приготовляться къ новому путешествію по Восточной Сибири, гдѣ меня ожидало счастье принести наукѣ свою долю изысканіями въ долину рѣки Усури, странѣ еще неизслѣдованной ни въ какомъ отношеніи.

Труды и препятствія, которые меня тамъ ожидали, нисколько не могли отклонить меня отъ этого путешествія, и мнѣ оставалось только сожалѣть, что я не могъ предпринять его нѣсколько ранѣе: мнѣ предстояло проѣхать около 9000 верстъ, прежде чѣмъ достигну круга моей дѣятельности — долины рѣки Усури.

Я отправился изъ Петербурга 16-го февраля по пути черезъ Иркутскъ и пробылъ въ этомъ городѣ только то время, которое было необходимо для приготовленія всего нужнаго къ дальнѣйшему путешествію, а 6-го апрѣля уже отправился далѣе. Хотя въ этомъ году весна наступила ранѣе, и солнечные лучи уже разрушительно дѣйствовали на льдистый покровъ Байкальскаго озера, однако я счастливо добрался до Читы, не встрѣтивъ особенныхъ затрудненій и опасностей при переѣздѣ по льду Байкала, проѣхавъ благополучно по извѣстной всѣмъ дорогѣ чрезъ Верхне-Удинскъ и переваливъ черезъ Яблонный хребетъ. За Читою намъ предстояло продолжать путешествіе водою, на лодкахъ. Рѣка Ингода была еще покрыта льдомъ, и я воспользовался временемъ, остававшимся до вскрытія ея, для постройки необходимыхъ намъ двухъ лодокъ. Въ этомъ дѣлѣ мнѣ оказалъ весьма большія услуги тамошній исправникъ, мой старинный университетскій пріятель, г. Газенвинкель, и я не могу не высказать ему здѣсь моей живѣйшей благодарности. Къ этому времени подоспѣлъ сюда мой спутникъ, г. Брылкинъ, и съ нимъ мы пустились въ путь 26-го апрѣля, тотчасъ по вскрытіи Ингоды, на большой лодкѣ, которая буксировала другую, меньшую, съ провизіей. Кромѣ взятаго изъ Иркутска казака, у меня не было ни одного работника, необходимаго для движенія лодокъ впередъ, и я долженъ былъ нанимать людей для дальнѣйшаго плаванія отъ деревни до деревни, что было причиною задержекъ почти на каждой станціи нашего пути. Но, съ другой стороны, мы быстро подвигались впередъ, благодаря благопріятнымъ обстоя-

тельствамъ, а именно тому, что и безъ того уже быстрое теченіе рѣки съ каждымъ днемъ усиливалось отъ проливныхъ дождей у верховьевъ Ингоды и отъ таянія снѣговъ въ горахъ около ея истоковъ. Быстрина рѣки была такъ сильна, что, стоя на берегу, мы могли явственно слышать, столь извѣстный путешественникамъ, шумъ горныхъ потоковъ, производимый валунами, двигающимися по руслу. Безпрерывное возвышеніе воды, замѣтное съ каждымъ часомъ, не только давало намъ возможность быстро подвигаться впередъ, часто даже противъ сильнаго вѣтра, но и покрыло всѣ гряды пороговъ и камни, лежавшіе на днѣ Ингоды, такъ что насъ несло поверхъ нихъ безъ всякой опасности. Это внезапное разлитіе Ингоды, случающееся обыкновенно въ послѣднихъ числахъ апрѣля, составляетъ предметъ ожиданія всего, что только готовится къ отплытію на Амуръ: и по этому на берегу все было въ движеніи и занято спускомъ построенныхъ баржъ и нагрузкою ихъ. Рѣка была покрыта паромами переселенцевъ, большими казенными транспортами и другими судами и представляла весьма живую картину. Мы пустились внизъ по теченію и вскорѣ замѣтили, что развитіе растительнаго царства и царства насѣкомыхъ стояло здѣсь уже на высшей степени, чѣмъ въ странахъ пройденныхъ, и чѣмъ далѣе мы подвигались впередъ, тѣмъ эта разница въ развитіи становилась для насъ разительнѣе. Намъ встрѣчались откосы долины, покрытые, то свѣтлорозовымъ цвѣтомъ персиковыхъ кустарниковъ, уже совсѣмъ распустившихся, то красными букетами рододендрона (*Rhododendron dahuricum*); большая часть деревьевъ и кустарниковъ уже распускали листья, а луга и степи замѣтно зеленѣли. Намъ встрѣчались уже вереницы безчисленнаго множества утокъ и гусей; однимъ словомъ, природа оживлялась все болѣе и болѣе, представляя съ каждымъ шагомъ большее разнообразіе и подстрекая насъ какъ можно скорѣе добраться до мѣста назначенія. Мы проплыли мимо устья рѣки Онона 30-го апрѣля и прежде вечера того же дня добрались до деревни Монастырки, лежащей на правомъ берегу Шилки, противъ устья Нерчи. Плаваніе наше по рѣкѣ Шилкѣ совершилось вообще благополучно, потому что, хотя насъ и нерѣдко сопровождали проливные дожди, а иногда и противные вѣтры, загонявшіе насъ на берегъ и такимъ образомъ замедлявшіе наше движеніе, но такъ какъ все это не было продолжительно, то мы иногда, плывя ночью, вознаграждали потерянное днемъ. Такимъ образомъ, мы скоро проплыли мимо Стрѣтенска, Шилкинскаго завода — и остановились въ Горбицѣ, гдѣ я рассчитывалъ нанять новыхъ людей для дальнѣйшаго плаванія. Но лишь только мы вступили на берегъ, какъ всѣ ожиданія наши рушились: станция, еще въ прошломъ году состоявшая изъ цѣлаго поселенія казаковъ, была почти безлюдна, потому что большая часть ихъ недавно переселена на Амуръ, и мы едва могли, за весьма дорогую цѣну, нанять нѣсколько казаковъ для плаванія по предстоявшему намъ, совершенно безлюдному, пространству въ 200 верстъ до станицы Усть-Стрѣлки, которой мы достигли только 6-го мая. Въ Аргуни вода уже нѣсколько дней, какъ начала подниматься отъ тающихъ Хайларскихъ болотъ, воды которыхъ

доходятъ сюда черезъ Далайноръ обыкновенно около этого времени; по замѣчаніямъ туземныхъ старожиловъ, это возвышеніе воды въ Аргуни случается постоянно нѣсколькими днями позже разлитія Шилки. Здѣсь мы были задерживаемы, хотя довольно рѣдко, то противными вѣтрами, то сильными туманами; но за то нашему плаванію благопріятствовало разлитіе Амура, воды котораго стояли весьма высоко отъ соединеннаго въ немъ разлитія водъ Шилки и Аргуни. Что меня болѣе всего поразило теперь при входѣ въ Амуръ — это вереница казацкихъ станицъ, тянущихся по лѣвому берегу его, на разстояніи 25 или 30 верстъ одна отъ другой. Эта населенность лѣваго берега Амура была для меня тѣмъ разительнѣе, что еще свѣжа была въ моей памяти безлюдность его; я хорошо вспомнилъ, что тутъ еще недавно и на сотни верстъ не было видно другаго жилья, кромѣ кое-гдѣ встрѣчающихся юртъ здѣшнихъ бѣдныхъ обитателей, монягровъ. Русскіе поселенцы пройденнаго пространства, орошаемаго верхнимъ теченіемъ Амура, сколько я замѣтилъ, разсматривая ихъ селенія, были заняты новыми постройками и хотя они занимались и по казеннымъ надобностямъ, однако вездѣ весьма далеко подвинули впередъ и свои собственныя домашнія постройки, и вообще были довольны своею новою осѣдлостію. Но, само собою разумѣется, что это можно сказать только о тѣхъ переселенцахъ, которые здѣсь живутъ, по крайней мѣрѣ, другой годъ, да и успѣли обзавестись не только жильемъ, но и необходимыми пристройками и развели хотя небольшіе огороды, или владѣютъ нѣсколькими обработанными полями. У такихъ зажиточныхъ поселенцевъ всегда можно было достать свѣжіе припасы и притомъ за небольшую плату. Въ это время на Амурѣ готовились къ рыбной ловлѣ, въ особенности же къ ловлѣ осетра и калуги (*Acipenser Sturio* и *Acipenser orientalis*), которая производится всѣмъ извѣстными снарядами, называемыми здѣсь *самоловами*. Въ этомъ году ловля была неудачна, и мнѣ вездѣ одинаково жаловались на скудный уловъ, хотя и не приписывали его недостатку этой рыбы въ Амурѣ. Причину его находили въ снарядахъ, которые, при высокой водѣ, не могли опуститься глубоко и захватывать рыбу тамъ, гдѣ она держалась. Такимъ образомъ, *самоловы*, какъ снарядъ, лежащій близъ поверхности воды, оказываются неудобными для ловли на Амурѣ уже теперь, когда поверхность его водъ и теченіе еще не такъ часто тревожатся пароходами и другими судами, какъ этого можно ожидать впослѣдствіи. Здѣсь мы также видѣли разбросанныя по разнымъ мѣстамъ берега юрты монягровъ, занимавшихся ловлею *калуги* помощію гарпуновъ, но и у нихъ уловъ былъ неудаченъ по тѣмъ же причинамъ, о которыхъ мы только-что говорили; но для монягровъ недостатокъ въ рыбѣ нынѣ уже становится не такъ ощутительнымъ, какъ прежде, когда рыбная ловля составляла единственный промыселъ, доставлявшій имъ средства къ жизни. Теперь же, вслѣдствіе частыхъ сношеній съ русскими, это племя ихтіофаговъ уже привыкло къ образу жизни русскихъ, къ ихъ пищѣ и хлѣбу, такъ что этотъ послѣдній уже составляетъ главную, почти необходимую потребность ихъ, и можно полагать, что

монягры, между которыми вліяніе манджуровъ оставило мало слѣдовъ просвѣщенія, охотно привьютъ къ себѣ русскій элементъ и оставляютъ многіе изъ ихъ теперешнихъ грубыхъ нравовъ и обычаевъ, если частныя сношенія съ русскими и въ особенности торговля усилятся. Поселенія русскихъ имѣютъ большое значеніе въ отношеніи къ границамъ или предѣламъ расселенія племенъ монягровъ, потому что еще за нѣсколько лѣтъ передъ симъ монягры жили, по крайней мѣрѣ зимою, на постоянныхъ мѣстахъ, преимущественно при устьяхъ рѣкъ, вливающихся въ Амуръ; восточную ихъ границу составляла рѣка *Кумара*, а *Невиръ* — западную; теперь же я нашелъ многія ихъ мѣстечки, наприм. *Пайно*, *Ононъ* и другія, прежде весьма оживленныя и населенныя, — совершенно опустѣлыми; да и вообще кажется, что все монягское населеніе оттѣснено къ востоку; ихъ восточная граница, доходившая до сихъ поръ только до *Кумары*, — теперь перешла за эту рѣку и находится гораздо восточнѣе, нѣсколько не доходя до устья рѣки *Зѣи*.

Албазина мы достигли 9-го мая; это самая большая изъ здѣшнихъ русскихъ станицъ, которая, двумя рядами домовъ, окаймляетъ берегъ и тянется по немъ нѣсколько ниже когда-то бывшей здѣсь старой русской крѣпости. Въ Албазинѣ мнѣ, наконецъ, удалось нанять необходимое число людей, и я съ 2 казаками и однимъ тунгусомъ окончательно предпринялъ дальнѣйшій путь къ устью рѣки Усури. Въ слѣдующіе дни мы проплыли мимо устьевъ рѣкъ: *Пайно*, *Койжукана*, *Буриды* и *Онона*, а 16-го мая достигли *Кумары*, самага большаго изъ правыхъ притоковъ верхняго Амура. Чѣмъ далѣе мы подвигались на югъ, тѣмъ поразительнѣе становилось измѣненіе въ характерѣ произрастеній страны и тѣмъ ярче выдавалось раннее развитіе всей природы: начиная съ самага устья *Кумары*, лѣса, которые до сихъ поръ, главнымъ образомъ, состояли изъ сосны и лиственницы, — измѣнились въ лѣса дубовые и липовые и въ роши черной березы, окаймлявшіе берега по теченію Амура. Откосы горъ, заросшіе этими породами деревъ, представились глазамъ нашимъ покрытые яркою зеленью; на островахъ виднѣлись кущи черемухи (*Prunus padus*) въ полномъ цвѣтѣ, а луга, хотя и представляли еще мало распустившихся растеній, но были покрыты высокою травою, которая въ это время уже могла служить кормомъ для скота проходящихъ здѣсь переселенцевъ. Какъ обыкновенно при большихъ притокахъ въ рѣкѣ встрѣчаются одинъ или нѣсколько острововъ, такъ и здѣсь въ устьѣ *Кумары*, при впаденіи ея въ Амуръ, есть нѣсколько острововъ, скрывающихъ отъ зрителя устье ея со стороны главнаго русла, и его можно узнать только по выдающемуся съ лѣваго берегу Амура, живописному мысу *Лониторъ* (мысъ Бибикова).

Въ нѣсколькихъ верстахъ ниже этого мыса находится *Кумарская станица*, лежащая на красивомъ береговомъ лугу. По своей обширности и по удобству своего мѣстоположенія, она занимаетъ первое мѣсто послѣ Албазинской, о которой мы говорили выше. Въ продолженіе дня, еще до заката солнца, мы прошли извѣстную *Улусу-Модонскую* излучину рѣки, образующей въ этомъ мѣстѣ единственный въ своемъ

родѣ кругъ въ 30 верстъ длиною; проплывъ эти 30 верстъ, мы прошли опять недалеко отъ того мѣста, гдѣ она начинается, и отдѣлялись отъ него только весьма небольшою полосою земли; почти по всему этому пространству приходится ѣхать между скалистыми откосами, то покрытыми лѣсомъ, то совершенно обнаженными, которые здѣсь и тамъ перерѣзаны узкими лощинами и имѣютъ по берегу весьма незначительные луга, могущіе служить мѣстомъ только для весьма небольшого поселенія. Въмѣсто рѣдкихъ монягрскихъ юртъ, которыя прежде здѣсь встрѣчались намъ по рѣкѣ, — ниже по теченію начали довольно часто показываться временные шалаши, крытые соломой и обшитые берестой, юрты китайцевъ и манджуровъ, приходящихъ сюда лѣтомъ для рубки лѣса и дровъ, которыми они снабжаютъ *Айгунъ*, мѣстность весьма бѣдную лѣсомъ.

За *Улусу-Модономъ*, внизъ по теченію, горы постепенно уходятъ внутрь страны, и по обоимъ берегамъ Амура являются высокіе сухіе луга, которые, около устья рѣки *Зен*, пролегая между Амуромъ и горами, уходящими вдаль или совершенно исчезающими изъ глазъ, переходятъ въ необозримыя луговые степи. Въ такомъ мѣстоположеніи, въ нѣсколькихъ верстахъ выше устья *Зен*, лежитъ вновь построенный городъ *Благовѣщенскъ*, мѣсто пребыванія губернатора и центръ управленія Амурской Области. Мы прибыли туда 18 мая и нашли тамъ жизнь, полную движенія и дѣятельности, которая вся была устремлена на постройку разнаго рода домовъ для жилья. Въ слѣдующій день мы довольно рано достигли манджурскаго города Айгуна, въ которомъ я остановился на нѣсколько часовъ съ цѣлію хорошенько запастись нѣкоторыми припасами, необходимыми для предстоявшаго пути. Еще недавно, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, манджурскимъ начальствомъ было строго воспрещено всѣмъ русскимъ не только вступать въ торговлю, но и входить въ самый городъ; а теперь, съ одной стороны, благодаря заключенному айгунскому трактату, а съ другой, общему требованію всѣхъ жителей — позволить имъ вступить съ русскими въ мѣстовую торговлю, и городъ и лавки тамошнихъ купцовъ доступны для каждого. *Юхасинъ* и *Юнсинъ* самые богатые купеческіе дома въ Айгунѣ, ведущіе болѣе другихъ своихъ соотечественниковъ торговлю съ русскими купцами и Амурскою компаніею въ Благовѣщенскѣ; у Юнгина я сдѣлалъ закупки всѣхъ нужныхъ припасовъ: пшеничной муки, крупъ, водки и пр., заплативъ русскою серебряною монетою. Серебряная и мѣдная монета (въ особенности же старые барнаульскіе пятаки), конечно, лучшія деньги для торговли съ китайскими купцами, хотя въ послѣднее время, вслѣдствіе ли частыхъ торговыхъ сношеній, или же вслѣдствіе недостатка въ звонкой монетѣ, китайцы ознакомились и съ нашими ассигнаціями, которыя, однакожъ, ходятъ у нихъ только въ половинной цѣнѣ противъ серебра. Но, не смотря на это, у нѣкоторыхъ китайцевъ набираются бумажныя деньги на значительную сумму. Они ихъ вымѣниваютъ обратно другимъ русскимъ купцамъ на звонкую монету съ чрезвычайною выгодною для послѣднихъ. При погодѣ, большею частію благопріятной для нашего плаванія, за исключеніемъ нѣсколькихъ дождей, не смотря на сильныя противныя вѣтры, обыкновенно дующіе

въ это время года съ востока, мы вскорѣ оставили позади насъ все пространство до устья Буреи и 23 мая прибыли въ живописную казацкую станицу Скобельсина. По тому пространству, которое мы прошли, широко раскинулась по обоимъ берегамъ Амура пространная луговая степь, далеко, на самомъ горизонтѣ, окаймленная горами. Густой пластъ ея черноземной почвы покрытъ роскошною травой и красивыми рощами лиственныхъ деревъ. За рядомъ деревень, тянувшихся въ 30 верстахъ ниже Айгуна на правомъ берегу Амура, поселенія становятся рѣже и рѣже, а вмѣстѣ съ ними прекращаются и обработанныя поля, принадлежащія китайцамъ и манджурамъ. Ближе къ устью Буреи, вмѣсто деревень, можно встрѣтить только одинокія жилища или юрты бирарскихъ тунгусовъ, занимающихся здѣсь особенно рыбною ловлею и охотою за звѣрьми, хотя они также занимаются скотоводствомъ и огородничествомъ. Все это пространство и далѣе ниже устья Буреи до предгорій Хингана составляетъ часть Амура, наиболѣе удобную для обработки, и жители весьма большихъ здѣшнихъ станицъ, въ короткое время ихъ пребыванія здѣсь, уже успѣли собрать весьма удовлетворительныя жатвы. Начиная отъ устья Буреи по лѣвому берегу Амура, береговья луговья степи, по ихъ внѣшнему характеру, составляютъ какъ бы продолженіе мѣстности выше устья; между тѣмъ какъ на правомъ берегу тянутся одни за другими ряды холмовъ (извѣстные между жителями подъ именемъ горъ *Морра*), сходящихся къ рѣкѣ, и есть мѣста, гдѣ эти горы прямо и обрывисто упираются въ Амуръ. Наше плаваніе по всему этому пространству, отъ устья Буреи до Хинганскихъ горъ, далеко нельзя назвать благополучнымъ, потому что мы здѣсь встрѣчали сильныя препятствія въ продолжительныхъ противныхъ вѣтрахъ, которые намъ были тѣмъ опаснѣе, что мы должны были плыть мимо острововъ съ ихъ берегами, подмытыми теченіемъ и почти неприступными для насъ.

27-го мая мы прошли большую казацкую станицу *Паикова*, которая прежде называлась *Хинганскимъ никетомъ*; она лежитъ на луговой степи, тянущейся у подошвы предгорія Хинганскихъ горъ и отлого спускающейся къ Амуру. Еще за свѣтло мы достигли до входа пролома, сдѣланнаго въ горахъ теченіемъ Амура, здѣсь быстрота его достигала невѣроятной степени, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ стремился между двумя обрывистыми скалами. Это обстоятельство, благопріятное для нашего плаванія, вмѣстѣ съ прекращеніемъ вѣтровъ, дало намъ возможность въ два дня пройти все это пространство и оставить горы далеко за нами; но 29 мая мы снова предъ собою увидѣли обширную луговую степь, тянущуюся на востокъ отъ юго-восточнаго склона Хинганскихъ горъ. Она носитъ на себѣ тотъ же характеръ, который мы замѣтили говоря о луговой степи, лежащей на западъ отъ хребта, и представляетъ до самаго устья Сунгари, необозримую луговую степь, прерываемую только цѣпью холмовъ, тянувшихся въ отдаленіи отъ берега. На этой равнинѣ по обѣимъ сторонамъ Амура необозримо тянутся луга, покрытые высокою травой и одинокими дубовыми и вязовыми рощами, а между ними стелятся низменности съ ла-